

И.А.ЗАВАДСКАЯ
**ПРОБЛЕМЫ СТРАТИГРАФИИ И ХРОНОЛОГИИ
АРХИТЕКТУРНОГО КОМПЛЕКСА “БАЗИЛИКА 1935 г.”
В ХЕРСОНЕСЕ**

Одним из наиболее спорных и вызывающих постоянный интерес является архитектурный комплекс Херсонеса, который в литературе называют “Базилика 1935 г.”. Он раскопан на северном берегу городища в XIX квартале (рис. 1). По мнению многих исследователей, комплекс сосостоит из остатков трех средневековых храмов: раннего - V в., базилики VI-X вв. и верхней часовни (1; 2; 3). В отличие от большинства херсонесских храмов, возведенных на скале, комплекс построен на культурном слое мощностью до 4 м (1, с. 90) с остатками жилых строений эллинистического времени, мусорным слоем римской эпохи. Ранний храм и верхняя базилика имели пристройки с южной стороны, вместе с которыми составляли разновременные культовые комплексы (рис. 2).

Раскопки “Базилики 1935 г.” велись в 1935, 1949-1954, 1956-1957 гг. Отдельные части памятника изучались неодновременно и разными учеными. Они по-разному датировали и интерпретировали одни и те же слои и постройки.

Наиболее важным и спорным в литературе является вопрос об идентификации и хронологии археологического слоя, содержащего большое количество фрагментов штукатурки с фресковой живописью. На некоторых обломках сделаны надписи-граффити на древнегреческом и древнееврейском языках.

Рассматриваемый слой обнаружен на всей территории памятника, включая южные пристройки. Его толщина в разных местах достигала 0,5-0,7 м. Он залегал на цемянковом полу под средним, частично северным нефами и на ранней мозаике под южным нефом базилики. Верхний уровень слоя ограничен полами базилики - мраморным в среднем нефе и мозаичными в боковых.

К сожалению, фрески, найденные в 1935 г. Г.Д.Беловым под средним и северным нефами, частью под апсидой, погибли в годы Великой Отечественной войны. Сохранились только общие описания в отчете и дневнике раскопок (1, с. 36; 4). Фрагменты фресок выявлены также в результате раскопок С.Ф.Стржелецкого в 1950 г. под южным нефом базилики (2, с. 13-33).

Г.Д.Белов и С.Ф.Стржелецкий по-разному интерпретировали стратиграфию раскопанных ими участков одного и того же комплекса. В описании раскопок 1935 г. Г.Д.Белов выделяет между указанными верхним и нижним уровнями только один слой - однородную, следовательно, одновременную насыпь из глинистой твердой земли желтоватого цвета с большим количеством кусков штукатурки с фресками, а также фрагментов гипсовых лепных карнизов, мраморных архитектурных деталей (1, с. 32-35).

С.Ф.Стржелецкий в южном нефе выделил между верхним и нижним мозаичными полами еще три пола. Слой с фресками залегал на “третьем” полу (считая с верхнего мозаичного), который покрывал насыпь (17-20 см) над нижним мозаичным (“пятым”) и лежащим на нем цемянковым (“четвертым”) полами. Над насыпью с фресками находился “второй” белый цемянковый пол со слоем, подстилающим верхнюю мозаику. Каждый слой С.Ф.Стржелецкий связывал с отдельными строительными периодами в истории архитектурного комплекса (2, с. 9-40). Первым полом верхней базилики он считал “четвертый” цемянковый пол,

непосредственно лежащий на нижней мозаике, и относил его к концу V - началу VI вв. (2, с. 33,41). Фресковую роспись он относил ко второму строительному периоду базилики и датировал по стилистическим особенностям эпохой иконоборчества - VII-VIII вв. (2, с. 28).

Анализ результатов раскопок всего комплекса до скалы и доследования архитектурных остатков в 1956-1957 гг. Е.Н.Жеребцовым (5) позволяют пересмотреть трактовку слоев и периодизацию, предложенную С.Ф.Стржелецким.

Прежде всего следует отметить несостоятельность выделенного С.Ф.Стржелецким "третьего" пола, на котором, по его мнению, залегал слой с фресками. Из археологического отчета видно, что цемянковый слой прослеживается только в углах помещения и вдоль южной стены нефа. (2, с. 14). Пол не имел субструкций. Разница между уровнями отдельных его частей достигала 0,2 м (3, с.208). Уровень "третьего" пола не зафиксирован Г.Д.Беловым под остальными частями базилики. Видимо, С.Ф.Стржелецкий принял за пол уплотненные прослойки строительного мусора, выделенные в едином слое разрушения храмового сооружения.

"Второй" цемянковый пол, перекрывавший слой с фресками в южном нефе, сохранился на всей его площади. По своей структуре он содержит два слоя. Верхний цемянковый слой состоит из извести, песка, мелкотолченой керамики. Он лежит на утрамбованной глинистой подсыпке с находками II-IV вв. (2, с. 12). Уровень данного пола совпадает с нижней границей кладки стен базилики и дневной поверхности кладки ее колоннады (2, с. 10). Он заходит в дверные проемы, ведущие из южного нефа. Следовательно, "второй" цемянковый пол синхронен сохранившимся стенам верхней базилики. Скорее всего, перед нами самый ранний, временный пол. Его уровень ниже мраморного пола в среднем нефе на 0,10-0,15 м, что соответствует толщине плит, составлявших вымостку среднего нефа. Вскоре эту разницу ликвидировали с помощью искусственной засыпи над "вторым" полом. На нее положили мозаику на одном уровне с мраморным полом. На том же уровне установили мраморные пороги в дверных проемах южного нефа.

Е.Н.Жеребцов в результате доследования памятника в 1956-1957 гг. опроверг утверждение С.Ф.Стржелецкого о многократной перестройке верхней базилики и перекладке фундамента. По наблюдениям Е.Н.Жеребцова, на фундаменте базилики нет следов перестроек (3, с. 208). Подтверждением служит также кладка стены между нартексом и нефами, однородность которой отмечена самим С.Ф.Стржелецким (2, с. 44). Кроме того, бутовый фундамент с самых нижних его рядов и стены базилики из больших тесаных плит сложены на совершенно одинаковом цемянковом растворе, представляющем смесь извести, песка и крупнобитой керамики (1, с. 89; 6, с. 21). На растворе такого же состава укреплены мраморные плиты в центральном нефе (1, с. 100).

Приведенные данные говорят о том, что фундамент, стены, а также мраморный пол в центральном нефе и "второй" цемянковый в южном одновременно. Следовательно, слой с фресками под полами базилики не мог принадлежать ей.

Как установил Г.Д.Белов, под средним и северным нефами слой с фресками находился непосредственно на цемянковом полу, который, следовательно, принадлежал тому же храму, что и фрески (1, с. 32).

Общая ориентация, отличная от ориентации верхней базилики, а также непосредственная связь данного пола с определенными строительными остатками позволяют говорить об их принадлежности храму с пятигранной апсидой (рис. 3).

Фундаменты раннего храма впущены в насыпь римского времени (6, с. 19). Сохранились плечи и частично продольные стены. Северная - проходит вдоль наружной стены верхней базилики до половины ее длины. Вся внешняя сторона ее и северо-восточная часть уничтожены при строительстве верхней базилики. Северная стена связана с поперечной, которая ограничивает с западной стороны цемянковый пол (1, с. 32). Северная стена продолжалась за поперечной к западу (6, с. 19). Видимо, храм имел притвор. Его внешняя стена не сохранилась.

При раскопках южного нефа обнаружены остатки фундамента второй продольной стены храма. Она проходила вдоль стилобата. Некоторые ее участки не сохранились. Все стены храма сложены из бутового камня на грязи. Толщина внешних стен - 0,75 м, стены, отделяющей центральное помещение от притвора, - 0,65 м (6, с. 19).

Частично сохранилась пятигранная апсида раннего храма. Северную грань ее разрушили при сооружении круглой апсиды верхней базилики. Сложена она из бутовых камней на растворе из известки и морского песка (1, с. 80). Фундамент апсиды заложен глубже фундаментов остальных стен. По предположению С.Ф.Стржелецкого, апсида построена раньше остальных стен, которые к ней пристраивались впритык (7, с. 156). Поэтому здание в плане асимметрично - плечи, идущие от апсиды, лежат не на одной линии, в мастах соединения их с продольными стенами углы не прямые (рис. 3).

Слой с фресками под южным нефом верхней базилики находился к югу от продольной стены раннего храма, то есть вне его. Нижний уровень слоя, по отчету о раскопках 1950 г., залегал на поверхности "четвертого" цемянкового пола, покрывавшего раннюю мозаику. По описанию, цемянка, из которой он состоял, разложилась на составные части - известь и песок, смешавшиеся с вышележащим культурным слоем (2, с. 35). Сквозь нее просматривался рисунок мозаики. "Четвертый" пол прослеживается только на поверхности мозаики. Она же занимает лишь часть площади, покрытой слоем с фресками, и составляет 1/6 площади южного нефа. Наблюдается сходство "четвертого" и "третьего" полов, выделенных С.Ф.Стржелецким. Они коренным образом отличаются от других цемянковых полов как в раннем храме, так и в верхней базилике. Оба пола непрочны, крайне плохо сохранились и не имеют подстилающей субструкции. Как представляется, цемянковым полом ошибочно назвали обыкновенную прослойку строительного мусора.

На этом основании можно сделать вывод об одновременности мозаичного пола и слоя с фресками и принадлежности их одному сооружению.

Раннюю мозаику обнаружили при зачистке могилы № 9 в южном нефу у продольной стены еще в 1946 г. (8, с. 136) (рис. 2). В 1950 г. в процессе раскопок южного нефа зачистили всю мозаику. Она хорошо сохранилась (рис. 4). Ее внутреннюю композицию составляют четыре прямоугольника с разными сюжетами. Мозаику окаймляла полоса с изображением плющевой ветви. Правая сторона полосы уничтожена при сооружении южной стены поздней базилики. Длина пола - 5,02 м, ширина в наиболее сохранившейся части - 1,61 м (8, с. 137). Весь рисунок мозаики говорит о ее композиционной завершенности и целостности.

С трех сторон мозаичного пола не обнаружены ограничивающие его стены. Видимо, мозаика занимала лишь часть помещения, в котором находилась. Не исключено, что южная стена помещения находилась сразу за мозаикой и ее разобрали при строительстве южной стены верхней базилики. С севера помещение при-

мыкало к раннему храму, вероятно, имея с ним общую стену. С востока оно ограничивалось поперечной стеной, идущей от южного плеча. Остатки ее обнаружены Г.Д.Беловым в 1952 г. (6, с. 20). Стену разрушили при строительстве плеча верхней базилики.

Фрагменты фресок, украшавших стены помещения, располагались неравномерно по всей его площади. По материалам фиксации залегания кусков штукатурки с фресковой живописью видно, что больше половины (217 из 416) фрагментов, в том числе самые крупные, находились над мозаикой (квадраты 6-9 из 21) (2, с.54). На большинстве фрагментов поверх фресок выявлен еще один слой. На одних он частично воспроизводил первоначальную роспись, другие - просто забелены известью. Фрагменты со слоем побелки располагались на всей раскапываемой площади под южным нефом. Обломки с повторной росписью залежали в районе мозаики (квадраты 7-10) (2, с. 19).

Приведенные данные показывают, что мозаика занимала важное место в здании и была композиционно связана с фресковой росписью.

С восточной стороны мозаики фрески почти отсутствовали (1-5 квадраты - 5 фрагментов). Видимо, данная часть помещения каким-то образом отделялась от той, где находилась мозаика и фресковая живопись.

Местонахождение фресок позволяет также установить западную границу южного помещения. Она, вероятно, совпадала с западной поперечной стеной, отделяющей центральную часть храма от притвора. В квадрате, где, скорее всего, проходила данная стена, не обнаружено ни одного фрагмента штукатурки с фресками (квадрат 18). К западу их число незначительно. Они могли попасть сюда после разрушения храма.

Большая часть фрагментов штукатурки с надписями-граффити (57 из 88) залежала над мозаикой и вблизи предполагаемой западной границы здания, вероятно, у входа (16-й квадрат - 20 граффити) (9, с. 54).

Связь южного помещения с ранним храмом подтверждают несколько фактов. Во-первых, единый уровень залегания цемянкового пола в центральном помещении и мозаичного в южном. Во-вторых, они одинаково ориентированы. В-третьих, слой разрушения храма и южного помещения носил в общем одинаковый характер. Скорее всего, различные помещения одного храмового комплекса были одинаково декорированы. Стены украшались росписью и гипсовыми лепными карнизами. Их обломки в значительных количествах найдены в рассматриваемом слое. Карнизы украшены рельефными пальметтами, овами, мелкими "сухариками" и бусами (10, с. 213). Как и фрески, они имеют слои побелки.

Штукатурка из храма и бокового помещения состоит из чистой белой извести, смешанной с растительными волокнами (до 5 см). Поверхностный слой (до 1 см) - из извести с мелким морским песком, на который нанесена фреска (1, с. 37; 2, с. 20). На большинстве фрагментов сохранился геометрический и растительный орнаменты. В южном нефу найдены фрагменты с остатками изображений птиц (фазана, павлина), канфара, рисованных колонн с каннелюрами и невысокими капителями (10, с. 213).

При раскопках под средним и северным нефами верхней базилики непосредственно на цемянковом полу найдены фрагменты штукатурки другого вида. Она состояла из смеси извести, песка и мелкотолченой керамики с росписью густого красного цвета (11, с. 38). По уровню залегания можно предположить, что это фрагменты панели в нижней части храма. Подобная штукатурка отсутствовала под

южным нефом. Следовательно, во внутренней отделке храма и бокового помещения существовали некоторые отличия. Таким образом, подтверждается вывод о принадлежности фресок разным помещениям, а не нефам одной базилики.

К раннему храму с юга были пристроены и другие помещения (рис. 2). Их остатки открыты под пристройками верхней базилики (12). Как и в центральных помещениях храма, здесь обнаружена насыпь с большим количеством обломков штукатурки с фресками. По характеру росписи они аналогичны фрескам под южным нефом. На некоторых имелись надписи (12, с. 16). Слой разрушения пристроек верхней базилики тоже содержал обломки штукатурки, но, в отличие от описанной, без фресковой росписи (12, с. 21, 55).

Анализ слоя разрушения раннего храма позволяет судить о несохранившихся участках стен. Как отмечалось в отчете о раскопках 1935 г., на внутренней стороне штукатурки с фресками сохранился слой желтоватой глины. Толстую глиняную прослойку имели и фрагменты гипсовых карнизов, которые прикреплялись к ней с помощью костяных шпилек. По предположению Г.Д.Белова, стены обмазывались глиной (1, с. 37). Однако исследования, проводившиеся в 1940-х - 1950-х годах, внесли ясность в этот вопрос. Было обращено внимание на тот факт, что очень частые прослойки глины в рассматриваемом слое имели определенную форму и представляли собой разложившиеся саманные кирпичи. Судя по обломкам, кирпичи применялись разных размеров, причем некоторые фрагменты достигали значительной величины (2, с. 16).

В 1953 г. во время раскопок под юго-восточным углом центрального нефа верхней базилики (данный участок не был раскопан в 1935 г. с целью сохранения мраморной вымостки) зафиксированы размеры глиняных прослоек - 0,45 x 0,20 x 0,08 м (11, с. 37). С юга от раннего комплекса находилась римская цистерна (рис. 2). В период строительства храма она использовалась для раствора извести (12, с. 51). У стены цистерны найдены 2 сырцовых кирпича из желтоватой глины, их размеры - 0,45 x 0,45 x 0,07 м (12, с. 51). Они попали сюда, по-видимому, в период разрушения раннего храма. Тогда же цистерна оказалась под насыпью. Позже верхняя часть цистерны была разрушена при строительстве над ней угла южной пристройки поздней базилики (12, с. 55).

Остатки саманных кирпичей придали всему слою, как в храме, так и в боковом помещении, желтоватый цвет, что свидетельствует о значительном их количестве. Возможно, стены раннего храма были, в основном, сооружены из саманных кирпичей. Только нижняя часть стен сложена из бута на грязи, о чем говорят сохранившиеся ряды кладки на фундаментах западной стены и северного плеча (6, с. 19). Найден также камень с плотно приставшим куском штукатурки красного цвета. Очевидно, это фрагмент нижней панели храма (11, с. 38).

Применение саманных кирпичей не характерно для византийской строительной техники, по законам которой построена верхняя базилика. Прочный фундамент и квадратная кладка сохранившихся стен на крепком растворе исключает возможность применения здесь легкоразваливающегося самана. Принадлежность его именно раннему храму доказывается как уровнем залегания, так и типом самого храма, общая непрочность которого уже отмечалась.

В отличие от стен храма и его бокового помещения кладка стен южных пристроек имела иной характер. Общим был тип фундамента - бут на грязи. Надземная же часть стен возведена из крупных тесаных плит на растворе извести с пес-

ком (12, с.15,53). Такая кладка и у апсиды храма. Вероятно, южные пристройки одновременны храму.

Ряд особенностей имеет цемянковый пол раннего храма. Он представляет собой вымостку из мелких камней на растворе извести с песком. Верхний слой содержал также мелкотолщеную керамику, придающую всему раствору красный цвет (6, с. 22). Поверхность пола тщательно выглажена, хорошо сохранилась в западной части. В восточном конце и южном углу пол местами сильно выщерблен (1, с. 32). Возможно, здесь были входы.

Пол залегал на насыпи римского времени. Как уже указывалось, принадлежность его раннему храму доказывается общей с ним ориентацией, а также непосредственной связью с внутренней поперечной стеной. В 1950 г. установлена также его связь с южной стеной храма. Остатки ее фундамента залегали под южным нефом верхней базилики. Стилобат пробил цемянковый пол. Однако его остатки обнаружены в виде узкой полосы между стилобатом базилики и фундаментом стены храма, к которой он примыкал (2, с. 40).

Пол не доходил до северной стены храма. Между ними осталась полоса плотно утрамбованного земляного пола шириной 1,5 м., несколько выше (на 5 см.) цемянкового пола (4, с. 91). Его восточная граница отделена от плеч и апсиды храма вымосткой из бутовых камней. Здесь находилась солея раннего храма. Ее пол выше цемянкового на 0,7 м. Он покрывал искусственную насыпь, созданную для ее устройства. Пол солеи состоял из утрамбованной глины, смешанной с известью (толщина 0,15 м). По предположению Г.Д.Белова, это глиняная основа для пола из мраморных или каменных плит (11, с. 57). На поверхности пола подобных плит не зафиксировано.

Над полом солеи была насыпь с фрагментами штукатурки с росписью. Данный слой состоял из сухой серой земли (11, с. 56), в отличие от засыпи в других частях храма. Это, вероятно, объясняется иным типом кладки стен апсиды. Солея, по указанию Г.Д.Белова, отделялась от остальной части храма поперечной стеной, разобранный при сооружении верхней базилики (11, с. 56).

Необходимо отметить еще одну особенность цемянкового пола, до сих пор не нашедшую какого-либо объяснения. На его поверхности в 6 м. от западного края находилась выемка размерами 6 x 3,3 м. По периметру она ограничивалась мраморными плитками, поставленными вертикально под наклоном к середине выемки. Одна такая плитка сохранилась *in situ*, ее длина - 27 см., толщина - 2 см. В выемке пол ниже на 5 см., слой цемента тонкий, местами видна вымостка из камней. Поверхность пола в выемке носит следы от плит, составлявших его вымостку (1, с.31-32).

Храм сооружен без стилобатов, делящих внутреннее пространство на нефы. Это обстоятельство не позволяет отнести его к базиликальному типу, вопреки устоявшемуся в литературе мнению.

Таким образом, ранний храм средневекового комплекса "Базилика 1935 г." представляет собой уникальное явление в раннесредневековой храмовой архитектуре Херсонеса, которая в основном является провинциальным вариантом византийской, а именно малоазийской христианской базиликальной традиции (13, с. 177-182).

В полном соответствии с этой традицией построена базилика над остатками раннего комплекса. Это большое (37 x 18,5 м) трехнефное здание с полукруглой апсидой, нартексом и аксонартексом, который раскопан Г.Д.Беловым в 1957 г.

(14, с. 27-33). В комплекс базилики входили также южные помещения. Они не одновременны. Некоторые из них построены позже остальных, в частности, помещение, у юго-западного угла которого оказался над цистерной С (рис. 2).

Нервы и нартекс базилики имели мозаичные полы. Рисунки их распространены в византийском Херсонесе. В северном нефе орнамент исполнен в "елку", в южном - это 3 ряда пересекающихся кругов. Мозаика нартекса сохранилась плохо. Центральная часть мозаики окаймлена бордюром из плющевых листьев (1, с. 101-107).

Фундаменты стен базилики глубоко опущены в насыпь вплоть до античного слоя. Южная и западная стены стоят на стенах эллинистических жилых построек (1, с. 89). Высота кладки фундамента наружных стен достигает 1,7 м, внутренних - 0,7 м, толщина - 1 м. При сооружении базилики применялся кирпич. Слой разрушения в боковых нефях содержал большое их количество с прослойками раствора. По мнению Г.Д.Белова, кирпичи применялись в кладке арочных перекрытий между колоннами (1, с. 91).

Обнаружено значительное количество обломков мраморных колонн. Наряду с крупными (верхний диаметр 0,45 м), стоявшими на стилобатах, и алтарными (0,25 м) найдены колонны средних размеров (0,35 м). Это дало основание Г.Д.Белову предположить, что базилика имела хоры, на которых стояли такие колонны (1, с. 94). Монуменальность фундаментов и сохранившихся стен позволяет согласиться с таким предположением.

Помимо фрагментов колонн, в слое разрушения верхней базилики найдены другие мраморные детали и их обломки, составлявшие ее внутреннее убранство. Некоторые из деталей носят явно христианские символы. К ним относятся мраморный импост, на одной из узких сторон которого изображены аканфовые листья и крест с расширяющимися концами в середине (1, с. 82). В нартексе находились большие мраморные плиты. Судя по размерам, они служили перекрытиями главных дверей, наружной и внутренней. Каждая из плит в середине украшена крестом (1, с. 94). В насыпи над базиликой в разных местах найдено большое количество фрагментов мраморных алтарных преград с изображением креста двух видов - в квадратной рамке и на круге (1, с. 94). Украшением христианской базилики служила также статуя Доброго Пастыря. Ее верхняя часть (голова с овцой на плечах) найдена с юго-восточной стороны базилики (1, с. 99). По аналогии с известными статуями из Латеранского и Оттоманского музеев херсонесский фрагмент датируют IV-V вв. (15, с. 58).

К V в. относятся и феодосианские капители, украшенные двумя рядами рельефных аканфовых листьев с загнутыми вниз концами и четырьмя волютами под углами (1, с. 80-85). Ранние датировки некоторых мраморных деталей не распространяются на памятники, где они найдены. Многообразное использование мраморов в более поздних постройках является обычным для Херсонеса.

Первостепенное значение для датировки как раннего храма, так и верхней базилики играет археологический материал, в частности, нумизматический.

Монетные находки из раскопок 1935 и 1950 гг. под полами верхней базилики в основном относятся к IV-V вв. (16, с. 139-154; 17, с. 191-205). Хронологической разницы между монетными находками в разных слоях, выделенных С.Ф.Стржелецким, не наблюдается. Таким образом, одновременность и единый характер данного слоя подтверждается и нумизматически.

Немногочисленные античные монеты, а также обломки чернолаковой и краснолаковой античной посуды попали, по-видимому, из нижележащих слоев (1, с. 35-36).

Terminus post quem храма и бокового помещения устанавливается по найденным в субструкции ранней мозаики 2 монетам, выпущенным при императорах Валентиниане II (383-392 гг.) и Феодосии I (379-395 гг.) (2, с. 36).

В ряде публикаций наиболее поздней монетой, датирующей раннюю мозаику, названа монета императора Феодосия II (408-450) (17, с. 192; 10, с. 208; 18, с. 96). Эта неточность укрепила датировку раннего храма V в., предложенную Г.Д.Беловым на основании монет императора Льва I (457-474) с цемянкового пола данного храма и некоторых архитектурных деталей (феодосианские капители, импост V в.) (1, с. 82). Однако недавнее дополнительное исследование монеты, проведенное Н.А.Алексенко, доказало ее принадлежность выпуску императора Феодосия I*.

На этом основании наиболее ранней датой строительства храма необходимо считать конец IV в.

С ранней датировкой храма согласуются и в целом античные черты и техника выполнения мозаичного пола (8, с. 138), а также художественные особенности фресковой росписи. По мнению А.В.Банк, объемное исполнение отдельных деталей не позволяет согласиться с более поздней датировкой фресок (5, с. 206).

Монеты в слое с фресками свидетельствуют о времени разрушения храма и бокового помещения. Самые поздние монеты выпущены при императоре Льве I (457-474). Нумизматический материал, таким образом, не выходит за рамки V в. На этом основании некоторые исследователи связывают разрушение храма с землетрясением 480 г. (7, с. 158). Однако процесс разрушения, а затем запустения всего храмового комплекса вместе с южными пристройками нельзя считать кратковременным. В слое разрушения помещений с южной стороны храма обнаружены монеты VI - начала VII в. - императоров Анастасия I, Юстиниана I и Маврикия (12, с. 16). Монета императора Маврикия (582-602) обнаружена также в 1935 г. с юго-восточной стороны в том же слое (1, с. 73). Археологические отчеты не дают четкого представления о месте и уровне залегания этих монет. Однако, их наличие позволяет предполагать, что в VI в. храмовый комплекс стоял еще в руинах. Не противоречит этому керамический материал в насыпи под южными помещениями, который датируется V - первой половиной VII в. (12, с. 16).

Перед строительством верхней базилики была выровнена отведенная под нее территория. В результате оказались засыпаны колодец Б (раскопки 1936 г.) около южного плеча базилики и цистерны рыбозасолочного комплекса в XXII квартале, находящегося в непосредственной близости от нее. Засыпь колодца Б содержала монеты императора Юстиниана I, фрагмент краснолакового блюда с клеймом третьей хронологической группы по Дж.Хэйсу (470-580 гг.), а также фрагменты круглодонных амфор, которые датируются VI - первой половиной VII в. (1, с.273; 22, с. 49-50; 23, с. 24-25, класс 6). Рыбозасолочный комплекс включает в себя 2 цистерны и 5 пифосов, вкопанных между ними. Раскопки его проведены Г.Д.Беловым в 1957, 1959 гг. (14; 19). При сооружении фундамента экзонартекса базилики стены цистерны А (по отчету З) были включены в кладку фундамента

* Автор статьи выражает глубокую признательность Н. А. Алексенко и В. А. Сидоренко за помощь в определении монеты.

(19, с. 30). Судя по извлеченным из засыпи фрагментам керамики, обе цистерны ликвидированы одновременно перед сооружением верхней базилики. В цистерне В (по отчету Ж) фрагментов было гораздо больше, чем в цистерне. Среди обломков основную массу составляют фрагменты раннесредневековых амфор, много фрагментов краснолаковой посуды (14, с. 17-21; 19, с. 18-19). Хронологические рамки бытования подобной керамики - V - первая половина VII в. В обеих цистернах, а также между ними обнаружены фрагменты, принадлежавшие пифосам с массивным венчиком, которые входили в рыбозасолочный комплекс.

Помимо керамики в засыпи цистерн обнаружены обломки некоторых строительных и архитектурных мраморных и известняковых деталей. Некоторые из них могли происходить из раннего храма. Так, например, в цистерне В находился "обломок известнякового фриза с полочкой и жемчужником" (14, с. 14). Подобный фрагмент известняковой детали найден в слое разрушения раннего храма в 1935 г. (1, с. 73, рис. 20 на с. 29). Не исключено, что эти фрагменты могли принадлежать убранству одного здания. В насыпи этой же цистерны встречались куски штукатурки с росписью и обломки гипсовых лепных карнизов, аналогичные тем, которые обнаружены под верхней базиликой (14, с. 14).

Засыпь цистерн покрывала прослойка щебенки и отесков камней, уровень которой находится на высоте верхнего ряда фундамента экзонартекса (14, с. 32). На месте рыбозасолочного комплекса в период сооружения базилики располагались известняково-обжигательные печи и ямы для раствора извести, производилась обработка камня (14, с. 25-26). Это место являлось своего рода строительной площадкой.

Наиболее поздней монетой в засыпи цистерн была монета императора Юстиниана I (№ 120, цистерна В) (14, с. 24). Однако в раннесредневековом слое, непосредственно покрывавшем римские постройки, в рассматриваемом квартале наряду с теми же типами керамики, что и в цистернах, найдена монета императора Маврикия (№ 139) (14, с. 27).

Вероятно, верхняя базилика построена после ликвидации рыбозасолочного комплекса и засыпи колодца Б в конце VI - начале VII в. Факт же наличия обломков росписной штукатурки и фрагментов лепных карнизов в одной из цистерн, засыпанных перед сооружением базилики, абсолютно исключает возможность их принадлежности данной базилики и подтверждает вывод об их происхождении из раннего храма.

Время, до которого существовала базилика и ее пристройки, определяют монеты и другой археологический материал в насыпи, покрывавшей их остатки. В большом количестве обнаружены монеты IX-X вв. В одном из южных помещений в кладе из 68 монет наиболее поздними были монеты императора Василия II (976-1025) (19 штук) (12, с. 21).

После разрушения южные помещения оказались засыпанными на значительную толщину мусорной землей. Она содержала разрозненные обломки керамики, характерные для IX-X вв., большое количество фрагментов стеклянных браслетов X-XII вв. (12, с. 22). В помещении с купелью найден складной бронзовый крест-энколпион, без изображений и надписей, длиной 8,5 см (12, с. 20).

Таким образом, разрушение базилики в X в. подтверждается археологическими и нумизматическими данными, что противоречит мнению С.Ф.Стржелецкого, А.М.Гилевич, О.И.Домбровского о капитальной перестройке базилики в это время (2, с. 45; 17, с. 192; 10, с. 207). С.Ф.Стржелецкий датировал верхнюю мозаику в

южном нефе X в. по найденной под ней монете с монограммой "po", ранее ошибочно относимой к правлению Романа I. В настоящее время установлено, что монеты с подобной монограммой появляются в денежном обороте Херсонеса не ранее XI в. В слоях X в. они отсутствуют как в Херсонесе, так и за его пределами (20, с. 121-124; 21, с. 53-63). Под мозаикой вместе с монетой С.Ф.Стржелецкий обнаружил также фрагменты плоскодонных кувшинов, верхней датой которых считал X в. Однако бытование данного типа керамики отмечено до конца XI - начала XII в. (23, с. 63).

Приведенные данные не позволяют считать рассмотренную монету и фрагменты керамики датирующими для мозаики верхней базилики. Они относятся ко времени, когда базилика была уже разрушена, и попали под мозаику через одну из многочисленных лакун в ней во время изъятия строительного материала из-под обломков базилики для сооружения поздней часовни, в южной стене которой обнаружена монета с монограммой "po" (№ 65) (16, с. 151).

На территории базилики раскопано 36 захоронений. По нумизматическим данным, большинство из них можно отнести к IX-X вв. - последнему периоду существования базилики. После ее разрушения на руинах и из ее остатков сооружена часовня базиличного типа. Она была, вероятно, кладбищенской. С ней можно связать наиболее поздние захоронения с монетами XI-XIII вв. (1, с. 113-124).

В последнее время для датировки храмовых сооружений используются данные о существовании рыбозасолочных цистерн по соседству с ними. На том основании, что цистерны не могли находиться вблизи общественных зданий, пытались передатировать некоторые храмы, в том числе и "Базилику 1935 г.", без учета данных, полученных при их раскопках. Поводом явился археологический материал из засыпи цистерны Е (№ 74), раскопанной Г.Д.Беловым в 1940 г. в XV квартале (24, с. 120). По плохо сохранившейся и не точно определенной монете Константа II (25, с. 269) А.И.Романчук датировала засыпь цистерны временем не ранее середины VII в. И сделала вывод о невозможности храмового строительства в районе до этого времени (26, с. 57; 27, с. 125). Это мнение без должной проверки поддержали некоторые исследователи (28, с. 165).

Необходимо, прежде всего, отметить значительную отдаленность цистерны от культового комплекса в XIX квартале. Их разделяют два жилых квартала (XIV и XVI). Остатки жилых раннесредневековых построек обнаружены и в XV квартале (28, с. 85-90).

На 1/3 раскопанной территории городища находится 96 цистерн. Они использовались в разное время - от римской эпохи практически до последних веков существования Херсонеса (30, с. 18). И практически все они располагаются вблизи жилых построек. На период появления в XIX квартале верхней базилики приходится сооружение рыбозасолочной цистерны на берегу моря к северу от нее (№ 86) (31, с. 48-49). Вымостка цистерны сделана из плинфы. Многие экземпляры имели клейма, датированные VI-VII вв.

Функционирование цистерн, следовательно, не вступало в противоречие с жилыми и общественными сооружениями. Их сосуществование в Херсонесе являлось повсеместным. Поэтому ставить в зависимость засыпь цистерн с большим строительством в соседних кварталах нет оснований.

Таким образом, совокупность стратиграфических и археологических данных устанавливает факт существования на северном берегу Херсонесского городища в XIX квартале нескольких разновременных храмовых комплексов.

Вопреки традиционной точке зрения, особенности раннего храма не позволяют причислить его к христианским культовым сооружениям Херсонеса, в целом отвечающим византийской традиции. Внутреннее убранство основных помещений составляли некоторые мраморные детали, гипсовые карнизы, а также настенная роспись. Украшением храма могла быть также каменная плита (0,27x0,33x0,18 м) с вырезанным в центре семисвечником на подставке, пальмовой ветвью слева и изогнутым рогом справа (32, с. 122). Плита обнаружена Е.Н.Жеребцовым в нижнем ряду фундамента верхней базилики (3, с. 210).

По всей видимости, существование раннего храма ограничивается последней четвертью IV - V вв. В течение этого времени он подвергался неоднократным ремонтам, что выразилось в побелке стен и карнизов здания. По нумизматическим данным, храм разрушен, скорее всего, в конце V в. и после длительного запустения на его остатках в конце VI - начале VII в. построили большую христианскую базилику, которая просуществовала до X в. Третий последний период истории комплекса "Базилика 1935 г." приходится на XI - XIII вв. и связан с кладбищенской часовней базиличного типа.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1935-1936 гг. Крымиздат, 1938.
2. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках Херсонеса в 1950 г. // Архив ГХМ. д. № 609.
3. Жеребцов Е.Н. К изучению раннесредневековых памятников Херсонеса // ВВ. 1963. XXIII.
4. Дневник раскопок на северном берегу Херсонесского городища. 1935 г. // Архив ГХМ. д. № 330/I-IV, № 331/I-V.
5. Жеребцов Е.Н. Отчет о реставрационных работах на базилике 1935-1936 гг. В 1956-1957 гг. // Архив ГХМ. д. № 734.
6. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1952 г. // Архив ГХМ. д. № 1295.
7. Стржелецкий С.Ф. К вопросу интерпретации и датировки некоторых памятников Херсонеса // Историко-археологический сборник. Под ред. Смирнова А.П. - М., 1948.
8. Стржелецкий С.Ф. Античные памятники Херсонеса из раскопок 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2.
9. Стржелецкий С.Ф. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1950 г. Рукописный текст // Архив ГХМ. д. № 1301/I.
10. Домбровский О.И. Фрески южного нефа Херсонесской базилики 1935 г. // ХСб. 1959. V.
11. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе за 1953-1954 гг. // Архив ГХМ. д. № 691.
12. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1949 и 1951 гг. // Архив ГХМ. д. №622/1-3.
13. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.
14. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1957 г. // Архив ГХМ. д. № 742/1-2.
15. Колесникова Л.Г. Раннехристианская скульптура Херсонеса // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. К., 1974.
16. Белова-Кудь Л.Н. Описание монет из раскопок Херсонеса в 1935 году // Белов Г.Д. Отчет о раскопках Херсонеса за 1935-1936 гг. Крымиздат, 1938.
17. Гилевич А.М. Монеты из раскопок в Херсонесе в 1950 г. // ХСб. 1959. V.
18. Якобсон А.Л. К изучению фресок из южного нефа "базилики 1935 г." в Херсонесе // СА. 1978. № 2.
19. Белов Г.Д. Отчет о раскопках в Херсонесе в 1959 г. // Архив ГХМ. д. №750.
20. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. К., 1977.
21. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
22. Сазанов А.В. О хронологии Боспора ранневизантийского времени // СА. 1989. № 4.

23. Романчук А.И., Сазанов А.В., Седикова Л.В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
24. Белов Г.Д., Якобсон А.Л. Квартал XVII (раскопки 1940 г.) // МИА. 1953. № 34.
25. Белова Л.Н. Описание монет из раскопок Херсонеса // МИА. 1953. № 34.
26. Романчук А.И., Белова О.Р. К проблеме городской культуры раннесредневекового Херсонеса // АДСВ. Проблемы идеологии и культуры. Свердловск, 1987.
27. Романчук А.И. Раннесредневековые комплексы Херсонеса // From Late Antiquity to Early Byzantium. Academia. Praha, 1991.
28. Кутайсов В.А. Четырехапсидный храм Херсонеса // СА. 1982. № 1.
29. Белов Г.Д., Стржелецкий С.Ф. Кварталы XV и XVI (раскопки 1937 г.) // МИА. 1953. № 34.
30. Романчук А.И. План рыбозасолочных цистерн Херсонеса // АДСВ. Свердловск, 1977.
31. Романчук А.И. Новые материалы о времени строительства рыбозасолочных цистерн в Херсонесе // АДСВ. Свердловск, 1973. № 9.
32. Соломоник Э.И. К вопросу о населении Херсонеса Таврического // АДСВ. Социальное развитие Византии. Свердловск, 1979.

ZAVADSKAYA I.A.
 PROBLEMS OF STRATIGRAPHY AND CHRONOLOGY OF
 ARCHITECTURAL COMPLEX "BASILICA 1935" IN CHERSONESOS
 Summary

This article is devoted to one of the most disputable medieval architectural monuments of Chersonesos - complex "Basilica 1935" situated in the northern part of the site, District XIX.

The complex has been studied by different scientists for some years. They dated and interpreted the same levels and buildings in different ways. The most important problem is the problem of identification and chronology of an archaeological layer which contains a large quantity of parts of plaster with fresco paintings and graffiti inscriptions in Ancient Greek and Ancient Hebrew languages. On the basis of supplementary study of archaeological reports about the monument and its neighbourhood there are some evidences testifying the attribution of this layer with frescos to an early temple. The period of building this temple is dated by a coin found in substraction of mosaic of its lateral premises. The additional research of the coin undertaken by A.N.Alekseenko proved that it belonged to the issue of Emperor Theodosius I. Probably, the early temple was destroyed at the end of the 5th century. On its ruins, at the end of the 6th - the beginning of the 7th century in accordance to Byzantine tradition they built a large Christian basilica, which existed till the 10th century.